

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

**доктора философских наук Поруса Владимира Натановича
на диссертацию Труфановой Елены Олеговны «Субъект и познание в
мире социальных конструкций», представленную на соискание степени
доктора философских наук по специальности 09.00.01 – «онтология и
теория познания»**

Диссертационное исследование Труфановой Елены Олеговны «Субъект и познание в мире социальных конструкций» является серьезной попыткой вхождения в русло острых дискуссий, развернувшихся в эпистемологии и философии науки последних десятилетий. Речь идет о дискуссиях, связанных с активным включением социальных аспектов в эпистемологические исследования, со становлением таких дисциплин как социальная эпистемология, феминистская эпистемология и т.п., с увеличением числа релятивистских и плюралистских подходов к эпистемологической проблематике. Важнейший вопрос, который ставится в работе – это вопрос о единстве эпистемологии в условиях пролиферации различных эпистемологических трендов, направлений и концептуальных поисков. Чтобы единство было не просто декларировано, а обосновано, необходимо переосмысление эпистемологических понятий, которые должны вобрать в себя богатство новых идей, но сохранить функцию фундаментальной основы философского анализа познавательного процесса и его результатов.

В настоящее время среди соперничающих между собой эпистемологических направлений особое место занимает социальный конструктивизм (и его более тонкая версия - конструкционизм). Суть в том, что результаты научных исследований объявляются продуктами конструктивной деятельности, из которых затем строятся «картины» того или иного фрагмента «реальности». При этом объявляется «ненаучным» и даже бессмысленным вопрос о том, как соотносятся такие «картины» с реальностью как она есть, до и независимо от предлагаемых конструкций. Более того, такие характеристики знания как «реальность», «истинность», «объективность», да и сами понятия «субъект», «объект», «знание», также объявляются «социальными конструкциями». Такой крен в сторону от реалистического понимания процесса познания и его результатов ведет за рамки эпистемологии, обрастая социокультурными и даже политическими коннотациями.

В современной эпистемологической литературе полемика между «конструкционистами» и «реалистами» ведется давно и принимает подчас острые формы, что не удивительно, принимая во внимание широту и важность проблемы. Включение в эту полемику требует от исследователя значительной эрудиции и добросовестности, поскольку соперничающие идейные течения довольно часто прибегают к утрированию и упрощению оппонированных взглядов, и в этом столкновении мнений надо разбираться дотошно и всерьез.

Но главное, конечно, в том, чтобы внести в существующую на сегодня сутолоку эпистемологических позиций такие предложения, которые позволили бы упорядочить спор и внести в него необходимую толику разумного компромисса. Я бы сказал, что это пример создания «коммуникативной рациональности» в современной эпистемологии. За эту непростую задачу взялась диссертантка.

По традиции, Е. О. Труфанова посвящает первые разделы диссертации построению панорамы современных диспутов внутри социально-конструкционистского направления, привлекая к анализу массив литературы, значительная часть которого еще недостаточно известна или проанализирована в отечественной эпистемологии. Цель построения этой панорамы – обнаружение основных моментов дискуссии, выявление ее узловых противоречий, что должно служить выдвижению эпистемологических гипотез, способных разрешить эти противоречия.

В первой главе «Понятие социальной конструкции и основные положения социально-конструкционистского подхода» автор определяет понятия социальной конструкции и социального конструкционизма, проясняя место последнего среди прочих конструктивистских и антиреалистских направлений, анализируя его генезис и развитие, вычлняя основные черты данного направления. К ним, прежде всего, относится отказ от рассмотрения субъекта познавательной деятельности как индивида, участвующего в процессах социального конструирования реальности, и акцент на социальные практики, связанные с определенными социокультурными дискурсами. На первом плане здесь контекстуалистский подход: индивид не может выделить себя из социальной среды, в которую он погружен, а, следовательно, результаты его познавательной деятельности суть социальные конструкции. Выходит, что объективность знания есть невыполнимое требование, любое знание неразрывно связано с социальным действием, а субъект познания является функцией от социальных практик и языка, в котором эти практики выражаются. Это обнаруживает генетические источники социального конструкционизма, к которым диссертантка относит постмодернизм и постструктурализм, нео- и

постмарксизм, а также некоторые новомодные общественно-политические и правовые движения в странах Запада и США.

Вторая глава «Субъект как социальная конструкция» в основном посвящена соотношению понятий «субъект» и «Я», анализу концепций, предполагающих отказ от субъекта или изменение классических представлений о нем. Социально-конструкционистская концепция субъекта, прежде всего, исходит из представления о «Я» как языковой конструкции – нарративе или грамматической единице. Можно проследить связи между этой концепцией и эмпиристскими (Д. Юм, Э. Мах), постмодернистскими (Р. Барт, М. Фуко и др.) и даже буддистскими представлениями о «Я» как о чем-то изменчивом, временном и даже иллюзорном – иными словами, как о «фикции», служащей упорядочению опыта и формированию удобного (привычного) способа мыслить нетождественное как тождественное, равное самому себе и играющее роль центра, из которого исходят наши познавательные действия, умственные усилия, желания и чувства.

Коль скоро это так, понятен преобладающий интерес к проблеме идентичности «Я», ведь именно в понимании этой проблемы выражается суть той или иной концепции субъекта. Социальные конструкционисты связывают идентичность субъекта с разными социальными группами (гендерными, национальными, профессиональными и т.п.); причисление к группе – это и есть акт идентификации. При этом один и тот же индивид может участвовать в различных подобных актах, следовательно, обладать различными идентичностями – в зависимости от целей и нужд идентификационных процедур. Другой способ идентификации – через «нарратив», т.е. жизненную историю, рассказанную или описанную, ставшую представителем индивида в процедурах узнавания и репрезентации; здесь важную роль играет представление о «социальной памяти», в которой закрепляются нарративы со всеми подробностями, которые способствуют этому закреплению. Нарратив как бы постоянно возобновляет идентичность, добавляя к ней определенные черты, но все же в основе его лежат определенные реальные события, факты, что не позволяет нарративу стать чистым вымыслом. По мнению диссертантки, нарративная концепция «Я» является одной из наиболее продуктивных в рамках социально-конструкционистского подхода. Другая концепция, связанная с личностной идентичностью, предлагается самой диссертанткой. Она предлагает модель «расширенного субъекта», в которой внутренние состояния индивида оказываются взаимосвязанными с различными социальными идентификациями. Тем самым понятие субъекта приобретает особую сложную структуру, в которой «внутренние» детерминанты идентичности взаимодействуют с «внешними» или социокультурными. Не отказываясь от признания существенного влияния языка,

коммуникаций, диалога на становление и трансформации Я, на культурные различия в понимании субъекта, диссертантка делает вывод, что «... Я не может быть сведено исключительно к случайным наборам социальных интеракций. Это не означает, что мы должны понимать Я как неделимую субстанцию, подобно тому, как оно понималось в классической философии. Я является сложной системой, включающей и телесные механизмы, и социокультурное наполнение, и специфический, уникальный для каждого индивида опыт – как опыт восприятия, так и биографический опыт. Каждое Я занимает свое уникальное место в пространстве, и во времени, и в системе социальных связей, и эта уникальность позиции оказывается залогом неповторимости опыта индивида. Опыт же может восприниматься как целостный только благодаря использованиям таких категорий, как Я, идентичность и субъект» (с.129).

Весь этот анализ подводит к выводу о том, что социальный конструкционизм включает в себя ценные моменты критики наивно-реалистических решений проблемы субъекта и самотождественности «Я». Эти моменты могут и должны быть использованы в реформировании понятийного аппарата эпистемологии. Вместе с тем, нужно соблюдать известную осторожность в таком использовании, чтобы не допустить сползания в примитивный релятивизм, не имеющий под собой реалистической основы. Иными словами, диссертантка предлагает поиск «здорового компромисса» между реалистическими и конструкционистскими идеями. Направления такого поиска исследуются в третьей главе диссертации.

Она посвящена проблеме соотношения реального и социально сконструированного, вокруг которой и ведется главная полемика между реализмом и его оппонентами. Эта полемика настолько напряжена, что часто принимает воинственные формы, что свидетельствует не только о повышенном академическом интересе полемистов, но даже скорее о том, что она затрагивает гораздо более широкий круг вопросов, далеко за рамками эпистемологии. Нетрудно проследить логику такой экспансии: в конечном счете, речь идет о праве науки претендовать на истинное знание о реальности и быть основой практической деятельности людей. В утрированном виде позиция социального конструкционизма может быть выражена поговоркой «Ни одна блоха не плоха, все черненькие и все прыгают». Это означает, что все социальные практики, в сущности, равноправны, поскольку в их основе лежат различные и равноправные способы конструирования «реальности». В частности, научные практики не занимают какого-то особого места в познавательной деятельности людей, поскольку они так же «ангажированы» групповыми социальными интересами, как и другие виды практической деятельности. В конечном счете, это, по мнению критиков социального

конструкционизма, ведет к обскурантизму и интеллектуальной деградации. Обвинения так серьезны, что принимают характер «научных войн»: «реалисты» указывают на опасность потери важнейших культурных ориентаций, определенных установками науки на истинность и объективность знания, «конструкционисты» – на опасность узурпации права на истинные суждения определенными социальными группами и подавления всякого инакомыслия (не только в науке).

В так называемых «научных войнах» есть риск поражения для обеих сторон. На войне, как на войне: здоровые моменты взаимной критики ускользают от внимания, а ожесточенность перепалки заменяет рациональный анализ сильных и слабых сторон оппонентов. Столкновения происходят под дымовой завесой броских лозунгов: одни защищают незыблемые права науки и место последней в современной культуре, другие выступают под флагом свободы мнений и равенства всех культурных традиций. И те, и другие склонны преувеличивать достоинства своей позиции и преуменьшать значение критических аргументов в ее адрес.

По мнению диссертантки, поиск разумного примирения сторон имеет значение не только для решения эпистемологических задач. Совершенно правильно подчеркивается мировоззренческая сторона дела: необходимо учитывать социокультурные последствия такого прекращения спора, когда одна из сторон безоговорочно капитулировала бы, а другая торжествовала пиррову победу, затушевывая собственные слабости. Необходим всесторонний учет таких последствий, причем нельзя игнорировать и конкретные обстоятельства, в которых указанная полемика может обостряться или затухать. Так, казалось бы, отвлеченные эпистемологические проблемы актуализируются за рамками собственно эпистемологии.

Замечу, что эти рамки не являются чем-то неизменяемым. Время дифференциации философского знания с выделением в нем узкоспециальных областей, содержание которых выразимо в «эзотерических» языковых конструкциях, постепенно проходит, а на смену ему приходит время регенерации философии как области размышлений, в которых все связано со всем, а изменения в одних частях целого непосредственно вызывает изменения в других частях. Философия снова становится единым живым организмом с тонкой и сложной внутренней организацией. То, что диссертантка в своих исследованиях фактически подчеркивает эту тенденцию, мне представляется значительным достоинством ее работы.

Другое дело, что, анализируя суть упомянутого спора, она считает важным акцентировать именно те опасности, которые возникают и усиливаются, если слишком ослабевают позиция «реализма». Конструкционистские аргументы против этой позиции

часто возвращаются бумерангом: например, признав равноправными различные (в том числе лингвистические) описания действительности, мы рискуем попасть в беспомощное положение, когда нужны решительные действия по изменению неблагоприятных условий жизни (в том числе – жизни идей!), а вместо этого мы прибегаем к «политкорректному» переименовыванию ситуаций. Можно назвать смерть «переходом к иному способу существования», но важно не упустить момент, когда со смертью еще можно и нужно бороться. То же самое можно сказать относительно идеологической нагруженности различных позиций в данном споре: идеология толерантности и равноправия мнений часто оборачивается торжеством охлократии или засильем манипулятивных социально-политических технологий. Плюрализм хорош в борьбе против догматического сна и диктата, но он может вести и к обесцениванию знания, если последнее становится лишь выражением интересов отдельных социальных групп. Это очевидно, когда речь идет об общественных и гуманитарных науках, но это справедливо и по отношению к естествознанию, что доказывается историей науки и философией науки, для которой история действительно является «пробным камнем», по выражению И. Лакатоса.

Чтобы быть последовательным, социальный конструкционизм вынужден отрицать самое возможность принципиального разделения научного и ненаучного знания. «Демаркационистская» философия науки прошла путь заблуждений еще несколько десятилетий назад. Ее главным заблуждением было убеждение в том, что критерии «демаркации» между наукой и не-наукой должны быть однозначными и неизменяемыми, где бы их ни искать – в сфере готового знания или в сфере его становления. Однако из признания заблуждения не следует отрицания самой идеи отличия науки от того, что наукой не является (или выдает себя за науку). Напротив, эта идея обретает особую актуальность в условиях, когда в современной культуре усиливаются тенденции к опрокидыванию вертикальной шкалы ценностей и размываются границы между истиной и ложью, особенно в сфере управления и регулирования социальных отношений.

В этой связи представляется ценным анализ «маргинализованных» форм социального конструкционизма (феминистская критика науки, деление на «восточную» и «западную», «коммунистическую» и «демократическую» науки, концепция «ситуационного знания» и пр.). Их не следует снобистски игнорировать, они заслуживают внимания как поиски эпистемологических альтернатив, но не нужно впадать в другую крайность и видеть в каждой альтернативе панацею. Весь стиль диссертации, как я его понимаю, является призывом к уравновешенному отношению к современным эпистемологическим дискуссиям: анализировать и учитывать – без преувеличений и полемических издержек.

Обладает ли «реализм» в эпистемологии неоспоримыми преимуществами по сравнению с конструкционизмом? Ответ на этот вопрос зависит от смысла, который вкладывается в этот термин. Если он принимается как некая догматическая установка, определяющая собой все основные выводы из анализа познавательных ситуаций и проблем, то о преимуществах здесь можно говорить только с иронией. Но если полагать, что реалистическая установка отвечает некоторой изначальной потребности и склонности исследователя (Э. Гуссерль называл нечто подобное «естественной установкой»), то необходимо найти аргументы, позволяющие видеть в этой установке исходный момент для развития собственно научной методологии. Диссертантка предлагает так называемый аргумент «неполного знания»: знание о реальном объекте неполно, но пополнимо; иначе сказать, объект способен быть источником нового, ранее не бывшего знания о себе. В то же время, сконструированное знание всегда выглядит завершенным, «полным», все, что можно сказать о его предмете, уже заложено (возможно, имплицитно) в принципах его конструирования. К тому же аргументу сводится свойство реалистически трактуемого знания – быть основой для успешных научных предсказаний.

Как отнестись к такому аргументу? Я полагаю, что его следует рассматривать как момент в поиске последующей аргументации. В то же время, если считать этот аргумент «решающим», он встретит контраргументацию: чтобы некое знание могло быть «пополнено», следует изобретать новые условия и принципы конструирования его «объекта». Таким образом, весы, на которых взвешиваются аргументы в пользу или против реализма, должны постоянно регулироваться и приводиться в состояние относительного равновесия.

Именно такой подход, как представляется, предлагает «конструктивный реализм» (В.А. Лекторский). Его идея в том, что наука познает реальные объекты с помощью специально изобретаемых для этой цели средств конструирования (в том числе математических и иных моделей). По-видимому, это может «примирить» оппонирующие друг другу стороны в указанном споре, вынуждая их не противопоставлять реалистическую установку и активность субъекта познания, а искать способы взаимного перевода следствий, вытекающих из того и другого. Поэтому надо согласиться с выводом диссертантки: «представления о том, что знания о материальном мире являются не более чем социальными конструкциями, безосновательно и даже вредно. Во-первых, социальная сконструированность теории об объектах материального мира не означает нереальности самих этих объектов. Во-вторых, даже сконструированные нами социальные институты обретают особую реальность, которую мы не можем просто отбросить, отказавшись от социальной конструкции. И, в-третьих, признание реальности мира,

который окружает нас всех, и сходства наших возможностей взаимодействия с ним, независимо от того, к каким социальным группам мы принадлежим, является важнейшим основанием для нашей возможности взаимопонимания и диалога, и таким образом проблемы эпистемологии и философии науки превращаются в проблему совместного бытия людей» (с.251).

Переходя к оценке диссертации в целом, отмечу, что она отличается последовательностью и ясностью изложения, обоснованностью результатов и выводов, написана грамотным и точным языком. Е.О. Труфанова опирается на обширный материал как отечественных, так и зарубежных работ, от представителей классической западной философии до современных авторов. Содержание автореферата полностью соответствует содержанию диссертации. Автор имеет существенное количество работ, в которых опубликованы материалы проведенного исследования, среди них две монографии и 17 статей из журналов, входящих в Перечень ВАК, а также 1 статья в зарубежном журнале, входящем в Scopus. Материалы были апробированы на множестве научных мероприятий в России и за рубежом, поддерживались различными грантами, а также использовались при чтении учебных курсов.

Диссертантка, демонстрирует слабые стороны социального конструкционизма и обосновывает собственные аргументы о реальности субъекта познания, научных объектов и объективности научного познания. Цель работы – в стремлении сохранить реалистскую эпистемологию и философию науки, не отрицая влияния социокультурного контекста как на личность исследователя, так и на познавательную деятельность различных социальных групп. Показаны противоречия, возникающие в рамках социально-конструкционистского подхода в связи с тем, что «понятие социальной конструкции приобретает исключительно лингвистический характер, что влечет за собой ошибочное представление о том, что социальная конструкция представляет собой только способ описания, поменяв который, мы поменяем реальность. При этом игнорируется различие между описанием объекта и самим объектом, что приводит к утверждению о том, что все, что социально сконструировано “нереально”...» (с.24).

Е.О.Труфанова дает убедительное опровержение концепциям, утверждающим, что категория субъекта исключительно европоцентрична и не отражает никакой реальности за пределами грамматической конструкции европейских языков. Она отстаивает здесь универалистские позиции, утверждая, что «схожесть телесного опыта людей, среды их обитания и возможностей действовать в ней является основанием говорить о схожести также опыта, описываемого в европейских языках как «Я» и «субъект», тогда как

социокультурными различиями, которые получают отображение также в языковых культурах, в данной ситуации можно пренебречь» (с.150).

Несколько критических замечаний. Полемика социального конструкционизма с реализмом, на мой взгляд, уходит корнями не только в историю эпистемологических идей, Ее фоном является трансформация культурных идеалов и принципов, имевшая место в тот исторический период, когда эта полемика радикально обострилась. Мы живем в культурных условиях, вступающих в известное противоречие с условиями эпохи становления и господства классических философских позиций, в том числе – эпистемологических. Периоды смены культурных парадигм всегда характеризуются фундаментальными разногласиями по мировоззренческим вопросам, что сопровождается, как правило, столкновением «напряженных принципов», по выражению Гегеля. Этой культурной обусловленности самого спора о реализме и конструкционизме, на мой взгляд следовало уделить больше внимания в диссертационном исследовании.

Заслуживала также более подробного обсуждения роль научных революций, потрясавших основы мировоззрения на протяжении 19-20-х вв. Очевидно, что споры о реальности в философии теснейшим образом сопряжены с нахождением новых и необычных способов описания реальности, которыми характеризовались эти революции (не только в естествознании!). Эта связь имеет принципиальное значение и для определения перспектив совместного развития науки и философии.

При чтении некоторых фрагментов диссертации возникает впечатление, что диссертантка несколько искусственно «подставляет» социально-конструкционистские положения под критику, упрощая их или утрируя, чтобы придать большую убедительность своей контраргументации.

Хотелось бы более основательного рассмотрения проблем, связанных с понятием «дискурса», которое играет важную роль в данном исследовании, с привлечением более широкого спектра литературных источников.

Высказанные здесь критические замечания носят скорее дискуссионный и уточняющий характер. В целом можно сделать вывод, что докторская диссертация Труфановой Елены Олеговны является важным шагом в развитии современных представлений о наиболее актуальных философских проблемах, решение которых является условием дальнейшего развития философии и науки. Диссертация представляет собой самостоятельное и завершенное научное исследование, подводящее итог многолетней исследовательской работе. Ее использование в современной научно-философской литературе, а также в учебных курсах по онтологии и теории познания представляется полезным и необходимым.

Автореферат диссертации полностью ей соответствует. Опубликованные по теме диссертации работы отражают ее основное содержание. Диссертация соответствует требованиям пунктов 9-11, 13, 14 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24 сентября 2013 г., № 842.

Автор диссертации «Субъект и познание в мире социальных конструкций», Труфанова Елена Олеговна, заслуживает присуждения ей ученой степени доктора философских наук по специальности 09.00.01 – «онтология и теория познания».

Официальный оппонент:

Порус Владимир Натанович

заслуженный работник науки и техники РФ,

доктор философских наук, профессор,

руководитель Школы философии НИУ ВШЭ

21.01.2018.

Почтовый адрес: 141093, Московская область,

г. Дзержинский, ул. Угрешская, 32, кв. 530.

Контактный телефон: +7 (903) 112-1043

E-mail: vporus@rambler.ru; vnporus@hse.ru

22. 01. 2018

